

1001 ночь.

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник (Волшебная лампа Алладина)

[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2](#)
[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3](#)
[Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 4](#)

Тут Ала ад-Дин задрожал и испугался образа этого марида, но когда он увидел, что марида обращается с ним дружелюбно и говорит: «Требуя от меня чего хочешь, ибо я твой раб»,— он успокоился и вспомнил, что сказал магрибинец, когда давал ему перстень, а он сказал: «Этот перстень вызовет тебя из всякой беды, которая тебя поразит».

И Ала ад-Дин страшно обрадовался, и укрепил свое сердце, и сказал марида: «О раб владыки перстня, я хочу от тебя, чтобы ты меня вывел на лицо земли». И не окончив еще Ала ад-Дин говорить, как земля задрожала и разверзлась, и он увидел себя на поверхности земли, у входа в подземелье.

И когда Ала ад-Дин нашел себя на лице земли после того, как провел два дня под землей, в темноте, внутри сокровищницы, он открыл глаза, но не мог ими смотреть из-за света дня и лучей солнца. Он принялся закрывать глаза и мало-помалу открывать их, и когда глаза его окрепли, он открыл их совсем и посмотрел на мир, и оказалось, что он у входа в сокровищницу, в которую он спускался, и земля ровная, и нет в этом месте и признака того, что раздвигалась или сдвигалась. И подивился Ала ад-Дин на колдовство магрибинца и прославил великого Аллаха, который избавил его от зла, а потом он обернулся направо и налево, и увидел сады и узнал дорогу, по которой он пришел с магрибинцем. И Ала ад-Дин обрадовался, что жив, так как был уверен в своей гибели, и пошел по дороге, и шел до тех пор, пока не достиг города. Он вошел в свой дом, улетая от радости, что остался жив, и, войдя, упал на землю и лишился чувств от сильного голода, страха и огорчения, которые ему пришлось испытать, а также от охватившей его в это время великой радости.

И мать Ала ад-Дина поспешила к нему и, принеся от соседей немножко розовой воды, побрызгала ему на лицо. А она с тех пор, как рассталась с сыном ни на минуту не расставалась со слезами о нем, так как он был у нее единственный и когда он вошел и мать его увидела, она обрадовалась, но когда он упал на землю без чувств, горе ее усилилось, и она непрерывно брызгала ему в лицо розовой водой и давала ему нюхать благовония, пока он не очнулся и не попросил поесть: «Дай мне, матушка, чего-нибудь поесть, я уже два дня без еды».

И мать подала ему то, что у нее было, и молвила: «Иди сынок поешь в свое удовольствие, а когда ты отдохнешь, я хочу чтобы ты мне рассказал, где ты был, и что с тобой случилось, и какое несчастье поразило тебя. Я не спрашиваю тебя сейчас, о дитя мое, так как ты устал».

И Ала ад-Дин сел за еду и ел и пил, пока не насытился а отдохнув и оправившись, он обернулся к своей матери и сказал: «О матушка, на тебе великий грех! Ты отдала меня этому проклятому, который хотел убить меня и погубить! Клянусь Аллахом, матушка, я из-за него своими глазами видел смерть, а мы с тобой думали, что он и вправду мой дядя! Но слава Аллаху, который спас меня от его зла! Мы дали ему себя обмануть, так как он обещал сделать нам столько добра. Ах матушка, если бы ты знала, какой это скверный, проклятый магрибинский колдун! Проклятие Аллаха да почиет на нем во всяком ниспосланном писании! Посмотри, о матушка, что он со мной сделал!»

И Ала ад-Дин рассказал матери, что с ним случилось, а сам плакал от великой радости, что избавился от зла магрибинца. Он рассказал, что с ним было с тех пор, как он с ней расстался и пока они не дошли до входа в подземелье, и как магрибинец колдовал и дымил, как он расколол гору и разверзлась земля; и продолжал: «И я испугался сотрясения, начавшегося в эту минуту, и хотел бежать, но он выругал меня и побил, и хотя сокровище открылось, он не мог спуститься вниз, ибо этот клад положен на мое имя, и тот проклятый узнал по своему песку, что он откроется только моей рукой. И после того как он меня ударил и выбранил, он решил со мной помириться, чтобы получить желаемое». И Ала ад-Дин продолжал рассказывать матери эту историю и говорил: «Когда магрибинец спустил меня в сокровищницу, он дал мне перстень и надел его мне на палец, и когда я оказался посреди подземелья, я увидел четыре комнаты, все полные золота, серебра и прочего, но магрибинец не велел мне ничего брать. И после того я вошел в огромный сад, весь поросший деревьями, а плоды на них — это вещь, отнимающая взор своими лучами,— я думаю, они, наверно, из хрусталя всякого вида и цвета. И я подошел к огромному портику, и поднялся туда по лестнице, чтобы взять тот светильник, который проклятый магрибинец велел мне принести, и взял светильник, и погасил его, и вылил то, что в нем было, и положил в карман, и вышел, и потом я сорвал с деревьев немного тех плодов и положил их за пазуху и в карманы. Я подошел к двери в сокровищницу и закричал: «Дядя, протяни мне руку, я несу тяжелые вещи и не могу взойти на последнюю ступеньку, так как она высокая»,— но магрибинец не захотел дать мне руку и вывести меня и сказал: «Дай мне сначала светильник, который ты несешь, а потом я дам тебе руку и выведу тебя». А я, матушка, положил светильник в карман, и набил себе карманы плодами с деревьев из сада, и потому не мог достать светильник и дать его магрибину. Я сказал: «Дядя, когда я поднимусь, я дам тебе светильник, а ты дай мне руку, чтобы я взобрался на эту высокую ступеньку»,— но тот проклятый не хотел дать мне руку и вывести меня из подземелья: наоборот, у него был умысел, цель и желание получить и забрать у меня светильник и потом закрыть надо мною землю своим колдовством, чтобы я погиб и умер, как он и сделал со мной в конце концов. Вот, матушка, что у меня было с этим грязным, проклятым магрибинским колдуном».

И Ала ад-Дин рассказал своей матери обо всем, что случилось у него с магрибинцем с начала до конца, а кончив рассказывать, принялся, от сильного гнева и горячего сердца, ругать и проклинать магрибинца и говорил: «Кто же он, этот проклятый, грязный, скверный колдун и обманщик?»

И когда мать Ала ад-Дина услышала слова своего сына и узнала, как поступил с ним магрибинец, она сказала: «Правда, сынок, клянусь великим Аллахом, едва я его увидела, мое сердце почуяло дурное, и я испугалась за тебя, сынок, ибо у него на лице написано, что он скверный обманщик и колдун, который губит людей своим колдовством. Но слава Аллаху, сыночек, за то, что он тебя вызволил из сетей зла этого магрибинца! Я в нем обманулась и думала, что это и вправду твой дядя».

А Ала ад-Дин вот уже два дня совершенно не вкушал сна и почувствовал себя сонным и вялым, и захотелось ему спать, он заснул крепким сном, от которого пробудился только на следующий день к полудню. А проснувшись, он попросил у матери чего-нибудь поесть, так как чувствовал себя очень голодным, и мать сказала ему: «О сынок, мне нечего тебе дать, все, что у меня было, ты уже съел вчера. Но потерпи, у меня есть немного пряжи, я пойду на рынок, продам ее и куплю тебе на эти деньги чего-нибудь поесть».— «Оставь твою пряжу при себе, матушка,— сказал Ала ад-Дин,— подай мне светильник, который я принес. Я пойду и продам его и куплю на эти деньги чего-нибудь поесть. Я думаю, он нам принесет больше денег, чем пряжа».

И мать Ала ад-Дина пошла и принесла светильник, но увидела, что он грязный, и сказала: «О сынок, вот он, твой светильник, но только, сынок, разве ты продашь его таким грязным? Может быть, если я его тебе ототру и начищу, ты продашь его за более дорогую цену».

И мать Ала ад-Дина взяла в руки немного песка, но не успела она разок потереть кувшин, как вдруг появился перед ней джинн огромного роста, грозный и страшный видом, с перевернутым лицом, точно один из фараоновых великанов, и сказал: «К твоим услугам! Я твой раб! Чего ты от меня хочешь? Я покорен и послушен тому, в чьих руках этот светильник, и не я один, но и все рабы светильника послушны и покорны ему».

И когда мать Ала ад-Дина увидела это страшное зрелище, ее охватил испуг, и язык у нее отнялся при виде такого образа, ибо она не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

привыкла видеть таких ужасных чудовищ. Она упала на землю без чувств от ужаса, а что до Ала ад–Дина, который уже видел джинна, когда был в сокровищнице, то, увидав, что случилось с его матерью, он быстро встал, взял из рук матери светильник и сказал рабу–джинну: «Я голодный! Хочу, чтобы ты принес мне чего–нибудь поесть, и пусть эта еда будет выше всех желаний!» И джинн в одно мгновение исчез, и скрылся ненадолго, и принес роскошный, драгоценный, весь серебряный столик, а на столике стояло двенадцать блюд с разными кушаньями, две серебряные чаши, две фляги со светлым, старым вином и хлеб белее снега. И джинн поставил все это перед Ала ад–Дином и скрылся, а Ала ад–Дин встал, поднял свою мать, и побрызгал ей лицо розовой водой, и, когда она очнулась, сказал ей: «О матушка, пойди поешь этих кушаний, которые послал нам Аллах великий».

И мать его посмотрела и увидела перед собой столик, весь серебряный, и удивилась этому происшествию и спросила: «Сынок, кто тот щедрый, который прислал нам эти обильные дары? Не иначе, султан проведаль о нашем положении и прислал нам свою трапезу — ведь это трапеза царская».— «Матушка,— ответил Ала ад–Дин,— теперь не время разговаривать и спрашивать. Пойди сюда, и давай поедим, мы ведь очень голодны».

И мать его подошла и села за столик, и они ели, пока не насытились, и его мать удивлялась и дивилась на эти роскошные кушанья. От них осталось столько, что даже хватило на ужин на другой день; и когда мать с сыном вымыли руки и уселись, она сказала: «О сынок, расскажи мне, что было с этим рабом–джинном, после того как я лишилась чувств и упала вниз лицом. Слава Аллаху, что мы поели и насытились, и ты теперь не можешь говорить: «Я голодный!» И Ала ад–Дин рассказал ей обо всем, что произошло у него с рабом–джинном, с тех пор как она обеспамятела и пока не очнулась, и его мать страшно удивилась этим словам и сказала: «О сынок, значит, джинны и вправду являются к потомкам Адама! Я в жизни их до сих пор не видывала! Я думаю, сынок, это тот самый джинн, что вывел тебя из–под земли, когда проклятый магрибинец закрыл над тобой сокровищницу».— «Нет,—ответил Ала ад–Дин,— это не тот джинн, который явился мне в сокровищнице и вывел меня на поверхность мира. Это джинн другой породы, чем тот, ибо тот связан с перстнем, а этот, которого ты видела, связан со светильником, который был у тебя в руке». Услышав слова Ала ад–Дина, его мать сказала: «Так, значит, джинн, которого я видела,—проклятый раб светильника? Разрази его господь, какой он безобразный! Я так его испугалась, что чуть не умерла! Но только, сынок, заклиная тебя молоком, которым я тебя вспоила, выброси светильник и перстень, причинившие нам такой ужас и страх. Нет у меня, сынок, силы смотреть на джиннов, и пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — предостерегал нас от них».— «О матушка,— отвечал Ала ад–Дин,— то, что ты говоришь,— для меня приказ, но что касается твоих слов «выброси светильник и перстень», то это невозможно, и я их не продам и не выброшу. Смотри, какое добро сделал нам раб светильника: мы умирали с голоду — и он пошел и принес нам трапезу, которую ты видела. Знай, матушка, что когда проклятый магрибинец спускал меня в сокровищницу, он не велел мне принести ни золота, ни серебра, а приказал принести один лишь светильник, ничего больше, ибо он знал, какая великая от него польза. Если бы он не знал великой ценности этого светильника, то не стал бы так мучиться и трудиться. Он не пришел бы ради светильника из своей страны и не закрыл бы надо мной двери в сокровищницу, потеряв надежду его добыть. Нам следует, матушка, его беречь, ибо от него наше пропитание и в нем наше богатство, и мы никому его не покажем. Что же касается перстня, то я не могу снять его с пальца, ибо если бы не этот перстень, о матушка, ты не видела бы меня в живых и я погиб бы в глубине сокровищницы. Как же я сниму его с руки? Кто знает, какие еще произойдут со мной обстоятельства, беды, превратности и нехорошие случайности, и я не могу снять его с пальца. А светильник я скрою от твоих глаз, чтобы ты его не видела и не боялась». Услышав слова Ала ад–Дина и сочтя их верными и правильными, мать его сказала: «Делай как хочешь, сынок, а что до меня, то я не дотронусь ни до перстня, ни до светильника, и я не хочу еще раз видеть то страшное, устрашающее зрелище, которое видела».

На следующий день они встали и поели того, что осталось от трапезы, которую принес джинн, и тогда у них не оказалось никакой пищи. И Ала ад–Дин поднялся, и взял одно из блюд, которые принес джинн, и пошел на рынок, и попался ему навстречу один еврей, сквернейший из всех обитателей земли. И Ала ад–Дин дал ему это блюдо, и еврей отвел его сторону, чтобы никто их не видел, и посмотрел на блюдо, и распознал, что серебро блюда — чистое, несмешанное, но он не знал, сведущий человек Ала ад–Дин или он в подобных делах несведущ. «Эй, мальчик, сколько ты просишь в уплату за это блюдо?» — спросил он. И Ала ад–Дин отвечал: «Тебе лучше знать, сколько оно стоит». И еврей растерялся, не зная сколько дать, ибо, хотя Ала ад–Дин и был малосведущ, но ответ его был ответом людей понимающих. Он было решил дать ему мало, но побоялся, что Ала ад–Дин знает цену и стоимость блюда, а если дать много, то, может, Ала ад–Дин человек неопытный и не знает, сколько стоит блюдо.

В конце концов еврей вынул из кармана динар и подал его Ала ад–Дину, и когда Ала ад–Дин увидел динар, он зажал его в руке и пустился бежать, и тогда еврей понял, что Ала ад–Дин простачок и что он не знает цены и стоимости блюда, и пожалел, что дал ему динар, хотя этот проклятый не дал ему и одного кирата из сотни.

А Ала ад–Дин не стал раздумывать, и поскорее пошел к хлебнику, и разменял у него динар, и купил хлеба, а потом он пошел домой к матери, и отдал ей сдачу с динара, и сказал: «Матушка, пойди и купи всего, что нам нужно». И мать его пошла на рынок, купила того, что нужно, и вернулась, и они поели и насладились. И каждый раз, как кончались деньги за одно блюдо, Ала ад–Дин нес к еврею другое, и так как еврей в первый раз дал ему за блюдо динар, то уже не мог дать меньше, чтобы Ала ад–Дин не пошел к кому–нибудь другому. И Ала ад–Дин делал так до тех пор, пока не продал еврею все блюда, и остался у них только столик, на котором стояли блюда, и был он большой и очень тяжелый. И когда Ала ад–Дин принес столик к еврею и тот увидал, что это за столик и какой он большой, он дал за него Ала ад–Дину десять динаров, и Ала ад–Дин с матерью тратили его стоимость, пока все деньги не вышли. И тогда Ала ад–Дин сказал: «У нас ничего нет, я потру светильник»,— и его мать испугалась, и затряслась, и убежала. Что же касается Ала ад–Дина, то он потерял светильник, и перед ним появился раб и воскликнул: «К твоим услугам! Я твой раб и раб того, у кого этот светильник! Требуй, чего ты хочешь».— «Я желаю,— сказал Ала ад–Дин,— чтобы ты принес мне столик с роскошными кушаньями, и пусть он будет такой, какой ты мне принес в тот день. Я голодный!» И не прошло мгновения ока, как раб исчез и вернулся с таким же столиком, какой он приносил раньше, и на столике стояло двенадцать серебряных блюд, полных роскошных кушаний, и бутылки со старым, светлым вином, и чистый белый хлеб.

А мать Ала ад–Дина, когда узнала, что Ала ад–Дин хочет потерять светильник, вышла, боясь, что ей придется опять смотреть на джиннов, и вернувшись, она увидела столик, полный кушаний, на котором стояло двенадцать серебряных блюд, и благоухание роскошных яств разносилось и наполняло дом. Она обрадовалась и удивилась, и Ала ад–Дин сказал: «Видишь, матушка, как полезен этот светильник! А ты еще говорила: «Выброси его!» — «Да умножит Аллах благо этого раба, но я все–таки не хочу его видеть»,— ответила мать Ала ад–Дина, а потом они сели за столик, и ели, и пили, пока не насытились, а то, что осталось, убрали до следующего дня.

Когда же еда у них кончилась, Ала ад–Дин спрятал под полый платяя одно из блюд, стоявших на столике, и пошел искать того проклятого еврея, чтобы продать ему блюдо. И судьба привела его к лавке одного ювелира, мусульманина, престарелого старца, боявшегося Аллаха, и этот старец, увидев Ала ад–Дина, спросил его: «Что тебе нужно, сынок? Я много раз видел, как ты проходил мимо моей лавки и имел дело с одним евреем. Я видел, что ты давал ему какие–то вещи, и думаю, что и теперь у тебя есть вещь и ты ходишь и ищешь еврея, чтобы продать ему эту вещь. Но разве не знаешь ты, сынок, что эти проклятые евреи считают дозволенным присваивать деньги мусульман, верующих в единого Аллаха, и не могут не обманывать народ Мухаммеда,— да благословит его Аллах и да приветствует! — особенно тот проклятый еврей Мордухай, с которым ты имел дело. О сынок, если у тебя есть вещь, которую ты хочешь продать, покажи ее мне и ничего не бойся — я отвешу тебе ее стоимость по закону великого Аллаха». Услышав эти слова, Ала ад–Дин вынул серебряное блюдо и подал его старцу, и старец взял блюдо, взвесил его и спросил: «Сколько давал тебе еврей и такое ли это блюдо, как те, что ты ему продавал?» — «Да,— ответил Ала ад–Дин,— это точно такое же блюдо, и за каждое блюдо он давал мне динар». И услышав, что проклятый еврей в уплату за каждое блюдо давал ему динар, старец вышел из себя и воскликнул: «Видишь, сынок, мои слова оправдались! Какой разбойник этот проклятый еврей, обманывающий рабов Аллаха! Он тебя обманул и посмеялся над тобой, так как твое блюдо сделано из чистого серебра и весит оно столько–то, а цена ему семьдесят динаров. Если хочешь, я отсчитаю тебе его стоимость». И старец считал до тех пор, пока не отсчитал Ала ад–Дину семьдесят динаров, и Ала ад–Дин взял их и поблагодарил старца за милость и наставление, позволившее ему узнать про обман еврея.

И всякий раз, когда кончались деньги за одно блюдо, Ала ад–Дин приносил и продавал старцу другое, и стали Ала ад–Дин с матерью богатыми, но они не изменили той жизни, к которой привыкли, и жили средне, без большой пышности и значительных расходов. Ала ад–Дин изменил свою природу, и перестал водиться с беспутными мальчишками, и общался только с людьми совершенными, и каждый день он ходил на рынок купцов, чтобы познакомиться с ними, и водил дружбу с большими и с малыми, расспрашивая о разных вещах, товарах, торговле и прочем. Ходил он также на базар ювелиров и торговцев драгоценностями и смотрел там, как продают и покупают камни, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

когда он стал хорошо осведомлен в этом, то узнал, что плоды, которые он принес из сокровищницы, это не стекляшки и не хрусталь, как он думал, а драгоценные камни, стоимости которых не сочтешь. И понял он тогда, что добыл большое богатство, которого не добыл никто из царей, и не видел он на рынке драгоценностей ни одного самого большого камня, который был бы похож на мельчайший из его камешков.

И каждый день он ходил на рынок, знакомился с людьми и водил с ними дружбу. И расспрашивал, как купцы продают и покупают, берут и отдают, и осведомлялся, что дорого, а что дешево. И в один из дней после завтрака он вышел из дома, и, по обычаю, отправился на рынок, и, проходя по рынку, услышал, что глашатай кричит: «Согласно приказу царя времени и владыки веков и столетий, пусть все люди закроют свои лавки и склады, ибо госпожа Бадр аль-Будур, дочь султана, направляется в баню, и пусть никто не выходит из своего дома, не открывает лавку и не глядит из окна! Опасайтесь ослушаться повеления султана».

Услышав это провозглашение, Ала ад-Дин стал думать, как бы ему ухитриться и посмотреть на дочь султана, и говорил про себя: «Все люди толкуют о ее красоте и прелести, и предел моих желаний — посмотреть на нее». И он стал придумывать хитрость, чтобы увидеть дочь султана, госпожу Бадр аль-Будур, и ему понравилась мысль пойти и спрятаться за дверями бани и поглядеть на царевну, когда она будет входить. И он пошел и встал за дверями бани, в таком месте, где его не мог увидеть никто; а тем временем дочь султана спустилась в город, проехала по рынкам и площадям и подъехала к бане. И когда царевна вошла в баню, она подняла покрывало с лица, и оно засияло и заблестало ярче света солнца, и была царская дочь такова, как сказал один из описывающих ее в таких словах:

Что за очи! Их чье колдовство насурьмило?
Розы этих ланит! — чья рука их взрастила?
Эти кудри — как мрака густые чернила,
Где чело это светит, там ночь отступила *

И рассказывают, что, когда Ала ад-Дин увидел этот благородный образ, он сказал про себя: «Поистине, это творение всемилостивого! Слава тому, кто ее создал, и украсил такой красотой, и наделил столь совершенною прелестью!»

Его ум был пленен этой девушкой, и любовь к ней ошеломила его; страсть к ней захватила все его сердце, и он вернулся домой и вошел к своей матери, ошеломленный, потеряв рассудок. Мать стала с ним разговаривать, а он сидел точно истукан, не отвечал и не откликался. И она поставила перед ним обед, а он все еще был в таком состоянии, и тогда мать спросила его: «О сынок, что с тобой случилось? Болит у тебя что-нибудь? Что с тобой делается, расскажи мне? Я вижу, что ты сегодня не такой, как всегда: я с тобой разговариваю, а ты мне не отвечаешь». А Ала ад-Дин думал, что все женщины такие, как его мать, — некрасивые старухи. Правда, он слышал, как люди говорили о красоте и прелести дочери султана, но не знал, что это такое — прелесть и красота.

И мать стала к нему приставать, чтобы он подошел и съел кусочек, и Ала ад-Дин подошел и поел немного, а потом он лег на постель и всю ночь проворочался с боку на бок, повторяя: «О живой, вечносуший!» — и не смыкал глаз от любви к дочери султана. А утром, когда он встал, положенно его стало и того хуже из-за любви и страсти. Мать его, увидев, что он в таком состоянии, растерялась и не могла понять, что же с ним случилось. Она подумала, что Ала ад-Дин болен, и сказала: «О дитя мое, если ты нездоров и чувствуешь боль или еще что-нибудь, я схожу и приведу лекаря — пускай он тебя посмотрит. В нашем городе живет лекарь, чужестранец, за которым послал султан, и ходят слухи, что это большой искусник. Если ты болен, сынок, я пойду и приведу его — пусть он посмотрит, что за болезнь у тебя, и пропишет тебе что-нибудь». Но Ала ад-Дин, услышав, что мать хочет привести лекаря, сказал: «О матушка, я не болен, но я думал, что все женщины такие, как ты, а вчера я увидел дочь султана, когда онашла в баню. Дело в том, что я услышал, как глашатай кричал, чтобы никто не открывал лавку и не стоял на дороге, пока госпожа Бадр аль-Будур не проследует в баню, и пошел и спрятался за дверями бани, и, когда царевна подошла к дверям, она подняла с лица покрывало, и я рассмотрел ее и увидел ее благородный образ,— слава тому, кто ее украсил такой красотой и прелестью! И, ах, матушка, я почувствовал такую любовь и страсть к этой девушке, что не могу ее описать, и великой стала моя любовь, и я всю прошлую ночь не сомкнул глаз. Любовь к ной вошла в глубь моего сердца, и мне невозможно не получить ее в жены, и я решил попросить ее у отца се, султана, согласно закону великого Аллаха». Услышав слова своего сына, мать Ала ад-Дина сочла его ум скудным и сказала: «Имя Аллаха да будет над тобой, дитя мое! Ясно, что ты потерял рассудок! Сын мой, Ала ад-Дин, ты сошел с ума! Ты посватаешь дочь султана?!» — «О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— я не лишился рассудка и не сошел с ума. Не думай, что эти твои слова изменят мое намерение. Я непременно добуду Бадр аль-Будур, кровь моего сердца, и я намерен послать сватов к султану, ее отцу, и посвататься к ней». — «Заклинаю тебя жизнью, сын мой,— воскликнула мать Ала ад-Дина,— не говори таких слов, чтобы кто-нибудь тебя не услышал и не сказал, что ты сошел с ума! Брось такие речи, сынок! Кто может сделать такое дело и попросить у султана его дочь? Ты не вельможа и не эмир, и кто пойдет просить ее для тебя у султана?» — «О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— для такой просьбы годишься только ты! Раз ты здесь, то кто же пойдет просить у султана царевну, кроме тебя? Я хочу, матушка, чтобы ты пошла сама и обратилась к султану с такой просьбой». — «Да отвратит меня от этого Аллаха! — воскликнула мать Ала ад-Дина. — С ума я, что ли, сошла, как ты? Выброси эту мысль из головы, дитя мое, и подумай про себя: кто ты и чей ты сын, чтобы просить за себя дочь султана? Ты сын портного, и больше ничего, и добавок — ничтожнейшего портного. Ведь твой отец был самым бедным из тех, кто занимается его ремеслом в этом городе, да и я, твоя мать, кто я такая? Мои родные беднее всех в городе. Так как же ты посмеешь просить за себя султанову дочь, отец которой согласится выдать ее только за сына царя или султана, да и то лишь за равного ему по сану, благородству и знатности. А если он будет чуть-чуть ниже, то это вещь невозможная». И Ала ад-Дин выслушал свою мать и, когда та кончила говорить, ответил: «О матушка, я сам думал обо всем, что ты говоришь, и я хорошо знаю, что я сын бедняка. Но все это, о матушка, меня не удержит и не изменит намерения сделать то, что я задумал. Надеюсь, о матушка, что., раз я твой сын, ты окажешь мне это благодеяние, а иначе я умру и ты лишишься меня. Избавь же меня от смерти — ведь, как бы то ни было, я твой сын». Услышав слова Ала ад-Дина, его мать совсем растерялась и молвила: «Да, дитя мое, я тебе мать, а ты мне сын, и ты кровь моего сердца, и нет у меня никого, кроме тебя. Я больше всего хотела бы на тебя порадоваться и тебя женить, но когда я пожелаю найти тебе невесту, это будет дочь людей, равных нам и схожих с нами. Ведь когда я стану искать ее, меня тоже спросят, есть ли у тебя ремесло, или земля, или сад, а если я потеряюсь, отвечая бедным людям, таким, как я, то как осмелюсь я и попрошу тебе в жены дочь султана у ее отца, владыки Китая, выше которого нет и не будет? Я отдаю это дело на твой суд,— подумай же хорошенько и вернись к разуму. Да если бы я, допустим, и пошла к султану с твоей просьбой, чтобы угодить тебе, это принесло бы нам лишь беду и несчастье, ибо это дело очень опасное и, может быть, в нем таится для нас страшная смерть. Ведь в таком деле скрыта великая опасность! Как хватит у меня духа осмелиться на столь великую дерзость и просить у султана его дочь, и каким путем это сделать, и как я смогу войти к нему? А если даже это удастся и меня поставят перед ним, что я скажу, и когда меня спросят, что отвечу? Допустим, я укреплю свое сердце и скажу им о твоей просьбе — ведь они, наверное, подумают, что я сумасшедшая. Но положим, я и пройду к султану — какой же подарок я возьму для него с собой? Ведь это, сынок, такой султан, что к нему не пойдешь без подношения. Правда, султан кроток и ласков, и он не прогонит человека, который пойдет и встанет перед ним, требуя справедливости при обиде или тяжбе, и если кто-нибудь придет, ища у него защиты и прося милости, он дарует ему просимое, ибо он великодушен и щедр, и тот, кому он окажет милость, заслуживает награды. Ведь никто не станет чего-нибудь просить, если, во-первых, не заслужил награды и, во-вторых, не имеет причины просить милости, например, заслуг перед султаном или перед страной или какого-нибудь другого повода. А ты — скажи, что ты сделал для султана и для страны, чтобы заслужить от него милости, да еще такой милости, какой ты от него ждешь? Не под стать тебе такая милость, сынок, и не жалует султан никому таких наград! И кроме того, сынок, я тебе уже говорила, что никто не пойдет к султану с просьбой, не взяв с собой драгоценного подарка, соответствующего его сану. Как же я подвергну себя опасности, о дитя мое, и потребую у султана его дочь?»

Услышав от своей родительницы эти слова, Ала ад-Дин понял, что она говорит разумные речи, и ответил: «О матушка, все, что ты сказала, правильно, и мысли твои — верные и справедливые, и мне самому следовало обо всем этом подумать, но любовь к госпоже Бадр аль-Будур вошла в глубь моего сердца, и не будет мне покоя, если я ее не добуду. Ты напомнила мне, о матушка, одну вещь, о которой я не подумал и которую я забыл, и теперь, когда я о ней вспомнил, это придало мне смелости и укрепило мое намерение послать тебя к султану и посвататься от меня к его дочери. А что касается до того, какой подарок и подношение мы, по обычаю, предложим его величеству султану, отцу царевны, то у меня есть, о матушка, такой дар и приношение, лучше которого, я думаю, нет ни у кого из царей, и ни у кого, я тебе скажу, нет ему подобного. Это плоды с деревьев, которые я принес из сокровищницы. Я думал, что это простые стеклышки, но теперь я проверил и увидел, что это самоцветы, и цари всей земли не владеют даже одним из них. Я имел дело с торговцами драгоценными камнями, и часто ходил к ним, и узнал, что эти плоды — ценнейшие камни, стоимости которых не счесть. Послушай же, матушка, что я тебе скажу: у нас есть фарфоровое блюдо, принеси же его, я тебе насыплю на него с верхом этих драгоценных камней, а ты отнесешь их и предложишь в подарок султану Я уверен, что этот подарок будет хорошим предлогом и султан примет тебя приветливо и выслушает все,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

что ему скажешь. О матушка, если ты постараться в деле с этой госпожой, дочерью султана, то спасешь мне жизнь и я буду жить для тебя, а если нет — я непременно умру от великой моей страсти. Не сомневайся, матушка, насчет этого подарка — поверь, я много раз носил камни на рынок ювелиров, но не хотел никому их показывать: я видел, что торговцы продают камни за тысячи динаров, но то, что они продавали, не стоит и кирата в сравнении с моими камнями. Пойди же, о матушка, принеси мне фарфоровое блюдо, про которое я тебе говорил,— я наполню его камнями, и ты увидишь, как это будет красиво и как их блеск ошеломит разум».

И мать Ала ад–Дина пошла и принесла блюдо, чтобы проверить, правду ли говорит ее сын об этих камнях, и Ала ад–Дин взял блюдо, и отобрал самые большие, красивые камни, и клал их на блюдо, пока не наполнил его доверху. И мать его взглянула на блюдо, полное камней, и зажмурила глаза от сильного блеска, который от них распространялся. Она дивилась их красоте и сиянию и всматривалась в них, но все же не была уверена, такова ли их стоимость, как говорит ее сын, или нет.

И Ала ад–Дин сказал ей: «О матушка, видишь, какой это красивый и роскошный подарок! Клянусь Аллахом, никакой царь не может добыть ни одного такого камня. Я уверен, что ты удостоишься у султана великого почета, и когда он увидит такой подарок, то примет тебя с полным уважением. Возьми же на себя этот труд — забери блюдо и пойди во дворец».— «О сынок,— ответила ему мать,— этот подарок и вправду дорогой и ценный, и подобного ему, как ты говоришь, ни у кого нет, но все же как я осмелюсь попросить для тебя у султана его дочь? Знай, о сынок, что когда он меня спросит: «Что тебе надо?» — у меня, клянусь Аллахом, отнимется язык. Но допустим, я укреплю свое сердце, наберусь смелости и скажу ему: «О владыка султан, я хочу с тобой породниться и желаю, чтобы ты отдал свою дочь за моего сына Ала ад–Дина». Ведь он тогда убедится, что я сумасшедшая, и меня выведут с позором и в унижении. Я не скажу тебе еще раз, что в этом смерть для меня и для тебя, но, чтобы тебе угодить, укреплю свое сердце и пойду. И предположим, мой сын, что султан примет меня из–за подарка с полным уважением, и я осведомлю его о твоём желании, и он спросит меня, кто ты такой и каковы твои владения и доходы. Что я ему тогда скажу? А ведь он обязательно задаст такие вопросы, когда я попрошу для тебя его дочь».— «О матушка,— ответил Ала ад–Дин,— не сможет он ни о чем тебя спросить. Когда он увидит эти камни, то сразу поймет, кто я такой. А если он тебя спросит, обещаю дать ему ответ попозже, а я уж сумею ему ответить. Не считай же этого дела слишком трудным — ты и так проткнула мне желчный пузырь! Ты только и говоришь: «Предположим, сын мой», «Допустим, дитя мое!» — а ты ведь знаешь, матушка, что у меня есть светильник и что благодаря светильнику султан даст тебе хороший ответ. Будь же спокойна!» — «Слушаю и повинуюсь, дитя мое!»—ответила его мать.— Но сегодня время уже прошло, а завтра, если захочет Аллах, я утром пойду, чтобы угодить тебе».

И она всю ночь раздумывала об этом деле, а когда наступило утро, набралась смелости — особенно потому, что сын ей напомнил о светильнике, который сделает все, что он потребует. Что же касается Ала ад–Дина, то, увидав, как осмелела его мать, когда он напомнил ей о светильнике, он испугался, что она расскажет о нем кому–нибудь, и сказал: «О матушка, берегись рассказать кому–нибудь про этот светильник, ибо в нем наше благоденствие. Смотри не говори о нем никому — тогда мы его лишимся и лишимся благополучия, в котором мы живем, ибо оно исходит от светильника».— «Не бойся, сынок»,— сказала ему мать, и потом она поднялась, закуталась в покрывало, взяла блюдо и пошла во дворец заблаговременно, чтобы прийти в диван султана раньше, чем там начнется давка. А блюдо она завернула в тонкую материю.

И она шла до тех пор, пока не достигла дворца, а как раз в эту пору к султану входил везирь с некоторыми вельможами государства. И через малое время диван наполнился везирями, могущественными вельможами царства, эмирами, знатными и великими людьми, а потом явился султан, и люди выстроились перед ним рядами, И султан сел на свой престол, а все люди, находившиеся в диване, стояли, скрестив на груди руки, с полным почтением и уважением, ожидая приказания садиться. И султан велел им сесть, и каждый сел на свое место, и началось представление жалоб, и султан вершил суд, приказывал, запрещал и наставлял, творя справедливость и решая всякое дело так, как следовало, пока диван не окончился, и тогда султан удалился к себе во дворец, и всяк живой человек ушел своей дорогой.

А мать Ала ад–Дина, придя, дожидалась случая подойти к султану и с ним поговорить, но так и не подошла, ибо она не привыкла Ёстречаться с царями и не нашла человека, который бы поговорил за нее и позвал ее к султану. И увидев, что диван разошелся и султан встал и ушел в гарем, она пустилась в обратный путь и вернулась домой. Она вошла к своему сыну Ала ад–Дину с блюдом в руках, и Ала ад–Дин, увидев ее, испугался, что с ней что–нибудь случилось. Он спросил ее, что произошло, и мать рассказала ему обо всем и сказала: «О дитя мое, слава Аллаху, я сегодня видела диван султана и узнала, каков он, и у меня появилась смелость. Но диван разошелся, и султан ушел в гарем, и я не успела с ним поговорить. Еще многим людям, как и мне, надо было поговорить с ним, и они тоже не успели. Но завтра я пойду и поговорю; будь же спокоен — завтра я обязательно исполню твое желание и сделаю все так, как ты хочешь».

Услышав слова матери, Ала ад–Дин страшно обрадовался, хотя он вообразил, что мать сделает для него это дело в тот же день, так как из–за своей сильной любви и страсти к госпоже Бадр аль–Будур он ожидал исполнения его каждую минуту. Но все же набрался терпения, и они проспали эту ночь, а утром его мать поднялась, взяла блюдо и отправилась во дворец, чтобы встретиться с султаном и поговорить с–ним, но оказалось, что диван будет только через три дня, так как диван собирался каждую неделю два раза.

И она вернулась домой, и ходила в диван, и возвращалась, пока не сходила к султану шесть раз, и каждый раз она останавливалась у дверей в диван, не осмеливаясь войти, и стояла, пока диван не окончится и султан не уйдет во дворец. И всякий раз, как она становилась у дверей, султан ее видел.

И вот когда наступил седьмой день, она понесла свое блюдо и, как обычно, пошла и стояла у дверей, пока диван не разошелся и не окончился. И султан поднялся вместе с везирем, чтобы отправиться во дворец, и обернулся, и увидел ее, и сказал: «О везирь, вот уже пять или шесть дней я вижу старую женщину, которая приходит к дверям дивана и стоит там, и я вижу, что она несет что–то под покрывалом: Знаешь ли ты, кто эта женщина и чего она хочет?» — «О владыка султан,—сказал везирь,—ты же знаешь, что у женщин мало ума. Может быть, она пришла с жалобой на мужа или еще с чем–нибудь вроде этого». Но султан не удовольствовался таким ответом и сказал везиру: «Когда эта женщина придет еще раз, приведи' ее ко мне в диван». И везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о царь времени».

А мать Ала ад–Дина взяла в привычку ходить ко дворцу султана. Проспав ночь, она поднялась под утро, забрала свое блюдо, и пошла во дворец, и, как обычно, встала у дверей дивана, и, когда султан увидел ее, он ее вспомнил, и обратился к везиру, и сказал: «О везирь, вот та женщина, про которую я тебе вчера говорил. Приведи ко мне эту бедную, несчастную, и мы посмотрим, какова ее просьба». И везирь пошел и послал за ней одного из присутствующих эмиров, и тот привел мать Ала ад–Дина к султану, а она, подойдя к нему, отвесила поклон и пожелала ему величия и долгой жизни, поцеловав сначала перед ним землю. И султан обратился к пей и сказал: «О женщина, вот уже сколько дней ты, я вижу, приходишь в диван и становишься у дверей. Если есть у тебя нужда или просьба, скажи, какова она, и я ее исполню». И мать Ала ад–Дина поцеловала землю, и пожелала султану блага, и поблагодарила его, и молвила: «О царь времени, да, есть у меня нужда, но я хочу от твоего величества, чтобы ты даровал мне пощаду, и тогда я изложу тебе свою просьбу. Быть может, услышав мою просьбу, ты сочтешь ее удивительной».

Когда царь услышал эти слова, ему еще больше захотелось узнать, в чем ее просьба. По своей большой доброте он обещал ей пощаду, и велел всем сидящим выйти, и остался в диване один со своим везирем, и обратился к матери Ала ад–Дина, и сказал: «О паломница, расскажи мне, в чем твоя просьба и каково твое желание, и будет тебе пощада». И мать Ала ад–Дина молвила: «О царь времени, прощенье твое — прежде всего!» И царь ответил: «Прости тебя Аллах!» И тогда она сказала: «О царь времени, у меня есть сын по имени Ала ад–Дин. Когда твоя дочь, госпожа Бадр аль–Бу–дур, спустилась в город и отправилась в баню, мой сын спрятался за дверями бани, чтобы на нее взглянуть, и увидел, что красота ее выше всего, чего можно желать и хотеть. И когда он ее увидел, о царь времени, жизнь без нее перестала быть ему приятной, и он потребовал от меня, чтобы я попросила твое величество выдать ее за него замуж. Он, бедный, попал в сети любви, и я не могла выкинуть у него из головы это дело, и он даже сказал мне: «Если я ее не добуду, то умру». И вот я надеюсь, о царь времени, что ты извинишь мне мою дерзость».

И когда царь услышал ее слова — а он был человек кроткий,— то засмеялся и спросил: «А кто он такой, твой сын, и что это у тебя за узел?» И мать Ала ад–Дина, увидев, что султан на нее не сердится и даже смеется, тотчас же развязала платок и поставила перед султаном блюдо с камнями, и весь диван засиял и засверкал в их лучах. И султан растерялся и ошеломлен, восхищаясь красотой и величиной камней, и говорил про себя: «Не думаю, чтобы в моих сокровищницах или в сокровищницах других царей нашелся хоть один такой камень». Потом он обратился к везиру и спросил: «Что скажешь, о везирь? Видел ли ты в жизни хоть один такой камень?» — «Никогда не видел, о царь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

времени, и не думаю, чтобы в казне нашего владыки султана нашелся им подобный»,— ответил везирь. И султан молвил: «Разве не достоин тот, кто поднес мне такой подарок, быть женихом моей дочери, госпожи Бадр аль-Будур? Я думаю, никто ее не достоин, кроме него».

И когда везирь услышал слова султана, язык его закоснел от сильного горя, так как султан обещал выдать свою дочь замуж за его сына, и помолчав немного, он сказал: «О царь времени, будь ко мне милостив! Твое величество обещал мне, что твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, через три месяца станет женой моего сына. Я обещаю тебе: если захочет Аллах, подарок моего сына будет больше этого подарка».

И хотя султан полагал, что это вещь невозможная и что везирь не добудет подобного этому подарка, он дал ему три месяца сроку, как тот просил, и затем обратился к матери Ала ад-Дина и сказал ей: «О женщина, пойди к твоему сыну и скажи ему, что я даю слово и моя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, будет его женой. Но чтобы устроить ее дела и обстоятельства, понадобится три месяца сроку, так что ему придется подождать».